

уже лежал на столе, со скрещенными руками, иконка около него и свечи вокруг. Обратившись к священнику, я попросила его исполнить последний долг. Он принялся читать молитвы по усопшему. Сколько различных чувств переполняло мое сердце! Этот гроб, эта смерть, которая унесла от нас того, кто был нам так дорог; мысль, что эта ангельская душа ушла к своему Создателю и оставила нам бездыханное тело, которое земля скоро заберет от нас; отчаяние всех, кто меня окружал, собственная моя боль при мысли, что я больше не увижу того, кто заменил мне отца, кого я не покидала целых тринадцать лет и который любил меня, как родную дочь. Не видеть его больше казалось мне невозможным; никогда прежде я не осмеливалась об этом думать; и теперь — лежащий без движения, с начавшими заостряться чертами, ледяной холод сковывает все его члены. Я подошла к нему, поцеловала лоб, скрещенные руки. Вне себя бросилась я на колени, моля Бога то за него, то за тетю. Иногда мне казалось, что его душа была еще здесь. Тогда я просила его послать мне благословение, его последнее благословение. Я не могла дольше оставаться в комнате и не плакать, я чувствовала, что задыхаюсь, тогда я открыла двери гостиной, которые выходят в сад, и принялась бродить по горе. Прошло три часа. Солнце всходило во всей своей красе. Ни облачка не было на небе, везде глубокая тишина, легкий туман покрывал еще равнины. Волхов, казалось, остановился в своем течении и отражал в волнах окружающие пейзажи; со всех сторон слышалось пение птиц. Но я была далека от того, чтобы радоваться этому зрелищу, оно причиняло мне боль. Я желала, чтобы солнце спряталось, чтобы птицы замолчали, чтобы все отвечало моей боли. А пока эта звезда, приносящая свет на землю и освещающая то блаженство, то страдания человеческие в пристанище переменчивой судьбы, продолжала спокойно свой обычный путь. Я заметила тетю у окна и пошла к ней. Она прошла в кабинет дяди, я за ней. Там все, казалось, дышит его присутствием, даже свечка, которую он зажег сам, еще горела, его раскрытый молитвенник указывал страницу, где он остановил чтение, которое не мог закончить, одежда, которую он бросил, его аспидная доска, на которой в прошлый четверг 6 июля он начал оду о быстроте времени; первая строфа ясно видна еще, он сам читал ее моему кузену Семену Капнисту. Далее следовали два стиха второй строфы, которую смерть помешала ему кончить. Одинокая среди всех этих предметов, связанных с воспоминаниями, которые только терзали сердце, я предложила тете выйти из этой комнаты и подняться в ту, которую я приготовила ей наверху. *«Нет, нет, мой друг, — сказала она с чрезмерной болью, — здесь все его, я отсюда не выйду. Маминка, друг мой, ты со мною, ах, конечно, ты со мною»*. Она снова принялась в волнении ходить по комнате. В другой момент, когда прилив боли